

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

РОМАНТИКИ И
РЕАЛИСТЫ

Галина Николаевна Щербакова
Романтики и реалисты
Серия «Провинциалы
в Москве», книга 1

Palek

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160768

Провинциалы в Москве: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-27249-5

Аннотация

Галина Щербакова написала историю тех, кто страстно, как свойственно только русским, рвался в Москву, а потом получал от нее кто колотушки, кто дары, кто признания, а кто и изгнание. В чем-то это судьба самого автора и ее поколения, чьи поиски счастья были подчас так наивны и нерасчетливы. Как всегда в романах Г. Щербаковой, здесь много любви, потому что – считает автор – без нее мы вообще ничего не стоим.

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

О. Г. Щербакова

Романтики и реалисты

(Не для белого человека)

I

Федя Марчик вернулся в город к майским праздникам. Бородатый, с розовой проплешиной, в модной курточке, он собирал вокруг себя слушателей и вещал:

– Столица, братцы, не для белого человека. Снес я в крематорий двух мужиков на четвертом десятке и понял: надо смываться. Трусцой, рысцой, чем можешь. У тех мужиков было все – степени, спецбуфеты, заграничные визы. А легли и не встали. Столица – это, родные мои, мясорубка. Входишь цельным куском – выходишь фаршем. И это при том счастливом обстоятельстве, если тебя не обмотает вокруг винта... А я хочу ходить на работу пешочком, не торопясь, хочу дышать носом и смотреть на девочек. Хочу патриархальности!.. Я человек полный, темп не для меня. Он разрушает мой образ. И вообще... Свои семьдесят я желаю прожить полностью... Меньше мне не нравится. Семьдесят полноценных, обеспеченных здоровьем годочков.

Среди Фединых слушателей были верующие и неверу-

ющие. Первые кивали и похлопывали Федю по круглому мягкому замшевому плечу. «Правильно, старик! – говорили они. – У нас и снабжение в норме, и хороший телевизор две программы из Москвы запросто берет. И тихо, лесом пахнет...»

Неверующие, в свою очередь, делились на злорадных и сочувствующих. Злорадные полагали, что Федю турнули из столицы за недостаток ума. Вот он и приспособливает к себе старую, придуманную неудачниками истину, что мол, лучше быть первым в деревне... А вообще так ему и надо... Высоко взлетал, да на то же место сел... Сочувствующие тоже не верили Феде, соболезновали – как ему, должно быть, бедному, горько там, в глубине души. Себя представляли в его замшевой шкуре и ежились. Не по себе рубить дерево, ох, какое это вредное для здоровья занятие...

Ася наскочила на Федю, неся полную предпраздничную авоську. Тот не спеша шествовал из пединститута, где получил место на кафедре, в доме возле леса, где по утрам такой густой настой хвои, что обалдеть можно...

Он поцеловал Асю в щеку, и она долго потом ощущала прикосновение мягких Фединых губ, пахнувших заграничной жвачкой.

– Старуха! – вещал Федя, воздевая руки. – Слушай меня! Ходить надо медленно, пережевывать пищу тщательно, тяжестей не носить и улыбаться, улыбаться, улыбаться... Идти, так сказать, от внешнего к внутреннему.

Асе уже передавали этот его монолог – слово в слово. Она слушала и про себя отмечала – все точно. Нашел-таки формулу для оправдания своих неудач. Федя-пустыня, а туда же... Федей-пустыней его прозвали, когда он волею каких-то дурацких обстоятельств еще в институтские времена возглавил в обкоме комсомола лекторскую группу и стал поучать биологов, физиков и славистов, поправляя всех их с «точки зрения марксизма», пока его энергично не остановили. Вот тогда и пошло это точное – Федя-пустыня.

– Перестань, Федя! – не выдержала Ася. – Я это все уже знаю, мне рассказали.

Федя не обиделся. Он благодушно улыбнулся и, наклонившись к Асиному уху, спросил:

– Все не можешь простить? Неужели на всю жизнь затаила обиду? Не гуманно, Аська!

Дело в том, что пять лет назад в Академию общественных наук были представлены на область две кандидатуры – Федина и ее. Ася спала и видела возможность поехать учиться. В работе был кризисный период, когда кажется – все исчерпано, все написано, когда стало муторно от однообразия рубрик и тем: «Застрельщики соревнования», «Письмо пошло в дорогу», «С любовью к природе», «Педагогические раздумья»... Казалось – тупик!.. Я вдруг такая возможность – учеба, Москва. Даже разлука с семьей казалась не страшной. Но в академию послали Федю, а ей сказали так:

– Есть у тебя один недостаток. Женщина! Тебя даже рас-

смаатривать не стали. Федя, конечно, менее подготовлен, он навсегда останется рядовым мальчиком в хоре, но зато – мужчина...

Говорил так хороший знакомый, ответственный товарищ. Ради этого душевного разговора он даже вышел из-за стола, и они стояли у окна его кабинета, у шелковой лимонной шторы. Нельзя было ни обижаться, ни возмущаться, потому что всякий разговор у шторы – он и есть разговор у шторы. Тем более если слово «женщина» произносится с нежнейшей мужской лаской и легким прикосновением к плечу.

Тут, у окна, и Феде можно было дать объективную оценку – мальчик в хоре, и это не имело никакого отношения к тому, что положительные характеристики на него уже были подписаны. И слово «рядовой» в них без иронии Подразумевалось. Эти тонкие сложности или сложные тонкости выдвиганий – как хочешь их назови – Ася уже давно постигла.

В общем, Федя поехал, а Ася осталась. Понемногу пережила кризис, успокоилась. А теперь Федя вернулся. Борода, степень, курточка, плешь, трубка, жевательная резинка, слово «шокинг»...

– Тебя бы Москва расплющила, – сказал он в ту встречу. – Поверь мне на слово.

– Ладно, – ответила Ася. – Расплющила, так расплющила.

– И, знаешь, давай дружить, – предложил Федя. – Я могу стать твоим внештатным автором. Про что бы тебе накропать?

...На майском празднике они оказались в одной компании. Федина жена Валя и Ася мыли на кухне тарелки. На Вале были франтовский брючный костюм и длинноволосый пепельно-сиреневого цвета парик.

– Хочешь, продам? – сказала Валя о парике. – Мне он надоел.

– Я не решусь натянуть такой, – ответила Ася. – Еще не доросла до понимания.

– Чего там понимать? – удивилась Валя. – Мода не требует понимания. Москва вся в париках. А тут иду по улице – оборачиваются. Темнота!

– Тебе не жалко было уезжать из Москвы? – спросила Ася.

– Знаешь, когда в любой момент можешь вернуться, не жалко...

– То есть как это – в любой момент? – удивилась Ася.

– Я же не выписалась, – пояснила Валя. – Квартира за нами. Сдали одному аспиранту, он жену с собой учиться привез... Такая любовь!..

– Разве так можно? – удивилась Ася.

– Не можно. Нужно, – ответила Валя. – Нужно. Сын подрастет, поедет учиться, а у него – нате вам! – прописка.

– Не понимаю, – сказала Ася. – Значит, вы сюда не насовсем?

– Почему? Я в Москве жить не хочу, но прописки не отдам. В случае каких осложнений мы с Федей договорились – разводимся. Фиктивно, конечно...

– Треплешься? – В дверях стоял Федя, неодобрительно глядя на Валю.

– Аська своя! – махнула рукой Валя. – Своим – можно. И что мы с тобой, первые?

– Загонишь ты меня в гроб своим языком, – сказал Федя и приобнял Асю. – Не слушай ее. Никуда теперь я из родных краев не тронусь.

Ася рассказала все Аркадию. Он не удивился, не возмутился. «Ну и что?» – «А ты бы мог иметь две квартиры? И там и тут? Смог бы?» – спросила она. «Не дадут, – засмеялся Аркадий, – а то бы...» – «Не выдумывай! – оборвала его Ася. – Никто бы из наших не смог».

«Наши» – и сердце затопляла нежность. «Я становлюсь сентиментальной, – думалось Асе. – И пусть. *Наших* всегда буду любить».

...И почему ее так разволновал приезд Феди? Неужели сидит в ней старая обида? Ведь она еще тогда себя убедила: в логике «нужен мужчина» есть какой-то резон. Взять ту же любимую подругу Маришу. Два, три года от силы потребовалось, чтобы уяснить и ей, и всем вокруг, что любая работа, если она грозит «вечно женственному», для нее – катастрофа. А какая работа не грозит? Разве есть такая? Взять хотя бы это умиление в очерках о замечательных женщинах по поводу того, что они – это же надо! – со вкусом одеваются, красиво причесываются, следят за ногтями... Потому что всем ясно – времени на это не хватит. Самой талантливой

вой женщине надо втрое больше усилий, чтобы чего-то добиться, чем самому завалященькому мужичонке. Нет, на Федю нечего было обижаться, и Ася не обижалась. А вот теперь он вернулся, и выяснилось, что обида – даже не обида, а что-то там все-таки шевелится. И это «что-то» не может простить Феде глупой болтливости, запаха жвачки, снисходительной манеры всех поучать. Не может простить разговора о «родных краях», показного, наивного простодушия. В общем, весь он, Федя, со своей ВалеЙ в сиреновом парике – ее, Асин, неприятель. И не только Асин. Мысли снова вернулись к «нашим». Когда учились в университете, называли себя шестидесятниками. Слово это первым произнес Володя Царев, отличник и лидер всех студенческих движений. «Мы выходим в жизнь во все времена славные шестидесятые...» Он был такой. В полемическом задоре мог создать любую неожиданную теорию. Из ничего. Из слова. Из дыхания. Трепач был вдохновенный. Но историки спустили на него собак. Неточно, неверно насчет во все времена славных, ври, ври, да не завирайся. Но Володя был, как лев. И всех увлек этим определением. Стали называть себя шестидесятниками. В самом слове была какая-то магия. Самоотверженность, бесребреничество, великодушие, нетерпимость к подлости, идейность, духовность. Вот в чем был смысл этого слова. Однажды она рассказала обо всем этом Олегу Воробьеву, когда они засиделись на кухне с его материалом. В голову не могло Асе прийти, что Олега это взбесит. «Болтовня! – возмутил-

ся он. – Чванство высшим образом!» Ася не стала спорить. У Олега было девять классов и был талант. Он страдал от незнания каких-то вещей и, страдая, нападал на всех, проявляющих «осведомленность». Как вот сейчас. Она тогда увела разговор на другое. Это не важно, что Олег ругался. Он по сути тоже был «нашим, шестидесятником». Живет Олег сейчас в Москве, в крохотной квартирке с двумя детьми, восемь месяцев в году – в дальних командировках. Шлет к праздникам открытки: «Скучаю по твоей кухне, по твоему чаю». Но разве приедет? Когда ему?

Будь ты неладен, Федя! Разворошил душу своим возвращением. Жвачный кандидат. Такие возможности – и такой результат. Ася даже застонала от обиды. И все-таки... Разве Федя безобиден, как кажется?.. Разве он не генерирует подлую философию? Глядишь – и уже какой-нибудь мальчишка семнадцати лет пишет в редакцию, что наше время – время допусков. Допуск фальши, допуск приспособленчества, допуск расчистки, допуск бесчестия, допуск предательства. И катишь к нему за тридевять земель доказывать, обращать его и его друзей в свою веру. А он ссылается на какого-нибудь своего Федю, а то и на десяток Федь сразу. Допуск, допуск... Как это у дочери на школьных уроках кройки и шитья? Допуск (или припуск?) на фигуру облегания. Требуется, чтоб фигуре было удобно. А «нашим» всегда будет неудобно! Всегда! А на Федю надо наплевать и забыть.

Но Федя – человек слова! – принес-таки статью. Прямо

редактору. И ее сразу же тиснули. Актуальная тема – техническая революция, связь искусства и науки в этот период и что-то там еще в связи с моралью. Они оказались в номере рядом – два «кирпича», Федин и Асин. Ася в своей статье рассказывала о трудностях работы сельского отдела культуры. Два года ездила, сравнивала, считала, пересчитывала, прогнозировала. Кто-то на летучке сказал: эти два материала оттеняют, подчеркивают друг друга, а на другой день Федя пришел с коньяком, и редактор вызвал в кабинет Асю, чтоб выпить за нового автора. Федя снова подарил Асе дружеский поцелуй и сказал, что ее материал сделал бы честь любой центральной газете.

– Немного растянута, – ворчал редактор. – Не умеем писать коротко. Антимонии разводим.

– Ни, ни, ни! – замахал Федя. – Сделал бы честь!

И неожиданно для Аси он оказался прав: материал был перепечатан в центральной газете, потом в сборнике. А через некоторое время Асе позвонили из Москвы и спросили: как она смотрит на то, чтобы взять в свои руки отдел в той газете? Или она кругом повязана семьей и бытом?

– Я не повязана! – ответила Ася.

Сказала и испугалась. Манжетика для Ленки, свисток мусоровоза, очередь за сосисками. Что это? Быт или не быт? Повязка или не повязка? Сердце виновато колотилось, а язык уже на все вопросы ответил, как того ждали. Прости, Аркашенька, прости, Ленка! Я с соседкой договорюсь, она

за пятьдесят рублей давно согласна была пришивать манжетки и доставать сосиски. Но когда она, Ася, сама дома, отдать пятьдесят – преступление. Вот когда ее не будет, сумма в самый раз. Ну, правда! В самый раз! Аркаша, дешевле это не стоит!

Удивило, поцарапало одно: редактор, шестидесятник Володя Царев сам с ней так и не поговорил. Переговоры велись «по его поручению». Неужели же так и не было у него минутки свободной?

А с другой стороны, посмотришь на здешнего редактора – загнанная лошадь и та выглядит посвободней. Володе во сколько раз труднее! Не имеет она права начинать с обиды. Короче, дала согласие приехать.

Будильник был поставлен на шесть часов, а в четыре Олег придавил пуговичку: все равно не спит, все равно уже не заснет. Вдруг выяснилось, что в его замотанной, подчиненной графику выпуска газеты жизни жили и здравствовали воспоминания, о которых он и не подозревал. И вот теперь, когда поезд, везущий Асю Михайлову в Москву, только проскакивает Рязань, его воспоминания уже приехали и расположились в сонной комнате, расселись где положено и не положено, а ему ничего не остается, как каждому оказать гостеприимство.

...В ту пору он ходил в армейских сапогах и гимнастерке. И у него было раз в пять больше волос. Причем совсем дру-

того цвета.

Они жили с Асей в одном доме. Олег один в совершенно пустой квартире, потому что жена Тася ждала сына и жила у матери в деревне. Он любил возиться с Асиной Ленкой, ей тогда был год... Ася была худая, от этого еще более длинная, о ней на работе говорили: «Аська из тех, кто тянет воз...» Определение ей подходило. Даже лямки на плечах виднелись. Но тогда для него имело значение совсем другое – она подтягивала его. Он в те времена говорил «лабалатория», «фундамент» и «буржуазия», потому что были у него за плечами девять вечерних классов сельской школы, три года в армии и два года районки. И еще у него была убежденность, что он может научиться писать... Оставалось только убедить в этом остальных, всех, кроме Аси. Она не то что верила в него, она просто все в нем видела. Она видела каждую избитую фразу, каждую коряво обрубленную мысль. И это его потрясло. Действительно, тут он прервался на слове, потому что казалось, дальше – его личное и будет никому не интересно. А она извлекала из него это личное, и получалось то, что надо! Он был замечен и оценен. Самое главное, что тогда он и не подозревал, как она на него влияет. Потому что, заподозри он это, он не пришел бы к ней больше. Никогда. Был Олег в те времена человеком упрямым и гордым и ничьего влияния на свою личность и свои писания не допускал. Надо было, чтобы прошли годы и многое увиделось и оценилось по-новому.

«...Старая компания, встретившаяся через десять лет, уже новая компания. Ечдо...» Фраза броско и крупнокегельно лежала на талере, а маленький армянин – верстальщик, размахивая шилом прямо на уровне Олегова живота, шумел:

– Армянский ты не знаешь? Не знаешь! И черт с тобой. Но почему ты воображаешь, что знаешь латынь? Зачем тебе это самое ечдо? С чем его едят? И может, ты думаешь, что у меня в кармане специально для тебя, умника, лежит узкая египетская латынь? Да? Ты так думаешь?

И он шел на Олега, выставив впереди шило, готовый пронзить каждого, кто...

Сон это или воспоминание? В нем все, как было на самом деле. Кроме фразы. Тогда, десять лет тому, он ее еще не знал, не мог знать. Сегодня совсем по другому случаю сказала эти слова их корректорша. «Ах, Олег Николаевич! Десять лет, такой срок! Когда живешь с человеком вместе – не замечаешь. И то – поверьте – иногда подумаешь: во что это мой милый или моя милая выросли?.. А когда не видишь? Бойтесь встреч со старыми знакомыми. Бойтесь разочарований... Вы хотите мне сказать, что у вас не так. У вас ведь все не так. Хорошо, я молчу!.. Но десять лет! Боже мой!.. Это пойти в школу и кончить. Это быть молодой и постареть... Это умереть и быть забытой. Это что угодно. Тем более в молодые годы».

Олег поцеловал ей руку. Это был принятый всеми мужчинами редакции прием заткнуть корректорше рот. Она тут же

радостно умолкла. О чем бы она ни говорила: о дороговизне, о безнравственности молодежи, о многосерийном фильме, о собаке Альме, заболевшей плевритом, стоило ей поцеловать руку – и она растроганно замолкала. «Мерси», – говорила она тоненько.

Верстальщик и корректорша никогда не знали друг друга. Они из двух половинок Олеговой жизни. Как теперь говорят: до *того* и после *того* ... Валек Манукян уже умер. Очередной гнев против газетчиков, которые понятия не имеют, что такое верстка, шмуцы, «воздух», а торчат у него возле талера, кончился инфарктом. Упал, сжимая в руках шило и чьи-то отлитые строчки.

– Та-а-а-лант? А что это такое? – шумел он. – Такого слова нету в моем наборе. И я тебе скажу: всякого умника можно сокращать с любой стороны, а с середины еще лучше. Я могу взять весь твой материал на шпоны... Думаешь, кто-нибудь это заметит?

... От свертка на шкафу падала на стену геометрическая тень. В свертке было шесть высоких фужеров, вроде как бы хрустальных. Тасина идея – принести их на Маришино новоселье. Олег не спорил, хоть и считал, что нужно что-то другое, попроще, без затей. И без подделки. Даже эмалированная кастрюля была бы лучше. Не под что-то, а сама по себе.

В той, старой жизни он любил Маришу. Любил так, что мог бы бросить беременную Тасю, новую квартиру, работу, единственные сапоги и босиком пойти за ней, куда она ска-

жет. Она не сказала, она уехала. На ее проводах много пили, много ели, много пели. В какой-то момент Ася с мужем взяли его за руки и увели к себе домой. И уложили на диванчике напротив маленькой Ленки. И Ася дала какую-то таблетку. Он уснул и проспал поезд, на котором уезжала Мариша. Пришел в редакцию, когда все провожавшие уже вернулись с вокзала.

На этом история и кончилась. А сегодня у Мариши московское новоселье. Они понесут ей с Тасей фужеры. Но это – вечером. А рано утром он встретит Асю...

И будет их в Москве трое из общей молодости... Ася кричала в трубку: «Ты советуешь, да? Ты советуешь?» Он советовал. А теперь вот не спит. Пойдет встречать, посмотрит на нее и скажет то, чего не сказал по телефону.

«Мать, – скажет он. – У тебя есть силы? Элементарные, физические? Ты спишь ночами? Какой у тебя гемоглобин?»

Чушь! Ничего такого он у нее не спросит. Если гемоглобин считать, надо уезжать, а не приезжать. Уезжать в глухомань, чтоб от узловой станции не на машине – на лошадке добираться до места. Чтоб вода – так из колодца, баня – так по-черному... Зачем он врет? Кто ради высокого гемоглобина будет теперь так жить? Вот недавно уехал из Москвы Федя Марчик. Собирал знакомых мужиков выпить с ним «стремянную». Компания собралась вся из бывших провинциалов. И естественно – сцепились на старую тему: стоило или нет рваться в Москву. Взвешивали плюсы и минусы. Здесь

большая информированность, ближе к пульсу, самой Москвой заданная высота. Зато там ты – ферзь. Выпили, крикнули и пошли по детям. Тут единодушия не было. Музыкальные школы, фигурное катание, уже в детстве московский уровень взглядов и отношений. Но с другой стороны – здесь они в машинах разбираются, а березу от осины не отличают. Московские эрудиты, умники, помешанные на любви к собакам и кошкам, а... злые... злые. Нет, в деревню бы всех детей, чтоб «здравствуйте» говорили всем взрослым, чтоб в школу в валеночках, пешочком, по тропочке меж сугробов. Федя в дискуссии был мячиком: то Федя – дурак, что уезжает, то Федя – молодец.

Олег тогда тоже высказывался на эту волнующую тему, а потом приехал домой, выпил крепкого чаю и всю ночь думал: а где ему лучше? У него были все этапы продвижения по лестнице (вниз? вверх?). Были и баня по-черному, и колодезная вода. Было общежитие строителей, где ему дали коечку, когда взяли в областную газету. Потом была выстраданная в разных приемных комнатах в коммуналке, с уборной посреди двора. И он нес туда по утрам зеленый эмалированный горшочек, потому что Тася в конце беременности сильно отекала и ей прописали мочегонное. Было стыдно идти через весь двор. Казалось, в каждой окошке по десять пар глаз. Он ненавидел тогда Тасю. Негоже в этом признаваться, но что поделаешь, если тогда все было сразу: любовь к Марише и расплывшаяся Тася, комок в горле оттого, что Мари-

ша уехала, и горшок... Периодец! Хлебал трагедию и фарс деревянной ложкой.

Потом были гостиницы в Москве. И манную кашу варили сыну тайком, под кроватью. И однажды загорелся матрац. Чтоб его потушить, он бросил его на пол и лег сверху, прямо на черное, посверкивающее искрами вонючее пятно. А Тася, распахнув окно, принялась выгонять полотенцами дым. Теперь у него квартира из двух маленьких комнат, на пятом этаже. Без лифта. И уже тесно, неудобно, а ничего впереди лучшего. Но черт возьми! Разве в этом суть? Все это мелочь – и ночные горшки, и теснота. Главное – возможность реализации. Это не его выражение. Это определение одного социолога, который занимается проблемами миграции и, в частности, вечно живым в русской интеллигенции зовом – в Москву! Ведь если честно, то они с Тасей за шесть лет были в театре один раз и то на общественном просмотре, куда его пригласили как специалиста по сельской теме. Но что делать, если он человек не светский и гармонического сочетания того, другого и третьего у него не получается?

Получается одно – заметки, которые он до сих пор пишет с таким трудом. Это внутренняя кухня каждого – как писать. Одному тишина нужна, другому окно, чтоб из него дуло, третьему побольше дыма и ору вокруг, а ему – чтоб заломило в душе. Чтоб пришло ощущение, что это с тобой случилось, что сквозь тебя, навывлет прошла история и другого пути, как написать об этом, нет. И тут его ценят за это. Тут уважают

его состояние, когда он *болен* темой. И ничего ему другого в жизни не надо!

Но разве все это в пьяной Феединой компании скажешь?

Приезды, отъезды. Это целый роман, которого он никогда не напишет. Роман на вечную тему: что человеку надо?..

Скоро поезд привезет Асю. Хорошая она, честная, добрая, работающая... Она-то приезжает дело делать. Шестидесятница! Федя – туда, она – оттуда. Жизнь не такая дура, если разобралась, кого куда.

Ей надо будет помочь. В трудное время она приезжает. Вовочка Царев подминает под себя своего первого зама Крупеню. Два медведя в берлоге. Царев страстно, целеустремленно, умело выживает Крупеню. И это невозможно понять. Потому что Крупеня – главный кирпич в основании газеты, вытолкни его, и все рухнет, к чертовой матери. К нему все нити, от него все связи. Кто-то сказал: Крупеня скрепляет вчерашний день с сегодняшним, а сегодняшний с завтрашним. Он сразу и традиция, и перспектива. Так Крупеню и изобразили в дружеском шарже к его пятидесятилетию. Большая голова с острым носом ростками вверх и вниз. К нему идут все. Стажеры по поводу выпестованной гениальной фразы и старые корректорши с жалобами на радикулит и непонимание. А Вовочка уже наложил ему на хребет свою челюсть, осталось только сомкнуть. А почему бы им не быть вместе?.. Но идет битва до крови. С большими потерями... И не только для них самих. Начался мерзопакостный про-

цесс ориентации. В царевском предбанничке без дела толпится разнообразный редакционный люд – прямиком в кабинет не идут, Вовочка выше лизоблюдства и подхалимажа. Оставляет люд о себе, так сказать, зрительное воспоминание: я тут стоял, когда еще ничего не было решено... И предстоит партийное собрание, на котором Олегу надо будет изложить свою точку зрения. Он знает, что скажет. Он скажет Цареву и Крупене: «Мужики! Вы в борьбе теряете две вещи – один здоровье, другой совесть. Кому вы без этих компонентов нужны?» «Мужики», «компоненты»... Идиотский стиль, соответствующий идиотской ситуации. Кстати, Аську надо научить жить и работать в этой сваре. Нужнейшая, надо сказать, наука.

И тут, конечно, желательно высокое количество гемоглобина. Да еще с примесью самоуверенности. Вот этого никогда в ней не было. А может, с годами приобрела?

Сколько сейчас сил у Аси, чтобы начать сначала? Сколько? Мариша за эти годы ушла из журналистики. «Журналистом хорошо быть в молодости... Седая дама, берущая интервью, смешна... Похожа на просящую подаяние...» – «Я тебе дам подаяние!» – закричала тогда на нее Ченчикова, их Великая Священная Корова.

Сегодня вечером соберется старая компания. И не надо каркать. Все должно быть хорошо. Мы сделаем, чтоб все было хорошо. Как сказал бы маленький верстальщик Валек Манукян.

– Не важно, сколько строк. Важно, чтоб от этого кому-то стало лучше!.. Или хуже! Важен – результат!..

Конечно, если стоишь целый день в коридоре вагона у окна, обязательно кто-то начнет тебя «кадрить». Ася удивилась, когда всплыло именно это слово. Она не любила современного молодежного сленга. Но тут вроде точнее не скажешь. Какое есть слово для обозначения этой нахально-трусливой манеры задевать ее локтем, извиняться и спрашивать, что она такое интересное увидела за окном. Или, может, она задумалась? Очень тонкое и глубокое наблюдение! «Двинуть бы тебя разок», – беззлобно подумала Ася, глядя вслед синему тренировочному костюму. Сейчас он будет идти назад от мусорного бака и спросит, не заболели ли у нее ноги от долгого стояния.

– У девушки ноги устали, а она все стоит и стоит, – сказал «тренировочный костюм». – А, между прочим, в ногах правды нет... Если бы я был вашим мужем...

«Ну а если все-таки двинуть?» – вернулась Ася к мысли.

– ... я бы такую симпатичную жену одну никуда не отпускал. Тем более такую грустную... Стоит и смотрит, и смотрит, а за окном ведь однообразие... Столбы и поле... Поле и столбы...

Из соседнего купе вышла дама: в брюках и цветастой нейлоновой кофте навывпуск и, загородив дверь, встала спиной к коридору.

– Я ни в чем не нуждаюсь, – сказала она, продолжая разговор с кем-то в купе. – И поесть, и надеть хватает. И техника вся есть – и бытовая, и развлекательная. И на книжке на всякий непредвиденный случай. А работы я и после пенсии не бросаю. Не представляю себе жизнь вне коллектива...

– А вы не любите коллектив, – сказал «костюм», заглядывая Асе в глаза. – Вы любите одиночество.

– Слушайте! – Ася вдруг разозлилась. – Идите-ка вы подалее. Какое вам дело, что я люблю, что не люблю... Перестаньте меня нечаянно толкать... Я ведь тоже умею толкаться.

Скандала она не ожидала. Но, оказывается, все не так просто. Тип объединился с дамой, и пошло. И что они ей годятся в родители. И что образование, может быть, у нее высшее, а воспитания, культуры нет... И что не положено стоять в коридоре. Если есть билет, садись на свое место. И не мешай проходу. Людям в туалет надо, может, кто стесняется, а она торчит здесь торчком. А если стоишь, то уважай других, отвечай, когда спрашивают.

– Я ведь что у нее спросил? – горячился «тренировочный костюм». – Спросил, любит ли она коллектив или предпочитает одиночество. А она грубит!

Ася закрылась в купе.

– Чего там шумят? – спросила ее соседка. Она снимала на ночь серьги, броши и кольца и складывала все в полиэтиленовый мешочек. На ней было великое множество укра-

шений. Ася не очень в этом разбиралась, но, даже по приблизительному подсчету, это должно было стоить много денег. Профессиональное журналистское любопытство толкало к разговору, чтобы выяснить, кто она, эта владелица дамских елочных игрушек.

– Это они обо мне. Я стояла и мешала людям ходить в туалет. И не люблю коллектив...

Соседка подняла на Асю большие перламутровые глаза и покачала головой.

– Я не поняла, – сказала она. – Я многого сейчас не понимаю. У меня сын в десятом классе. Вы знаете, я почти не понимаю, что он говорит.

– Почему? – удивилась Ася.

– Потому что все не так, как говорили мы. Вы знаете такое слово – кадрить?

Ася засмеялась. Это ж надо!

– Знаю. Хорошее слово. Точное.

– Хорошее? – Соседка откалывала от блузки овальную янтарную брошь. – Я его не понимаю. Что это?

– Ну... Закидывать крючок... Заигрывать...

– Это понятно. Но какой там корень? Кадр?

– Пусть говорят, как хотят. Ничего ведь в этом нет плохого. Язык – организм живой.

– Организм... Язык – организм, – прошептала соседка. – Тоже не понимаю.

– Бросьте, – мягко сказала Ася, – дело ведь не в словах...

– В словах! В словах! – Соседка затрясла перед Асиным лицом полиэтиленовым мешочком. – Я вот вас спросила, что за шум в коридоре. Могли вы мне просто сказать, кто поскандалил или что разносят чай, а вы мне что говорите? Что не любите коллектив. Или это они вам сказали?

Ася видела, как большие глаза соседки наполняются слезами. И вдруг вся ее дорога, и этот тип в коридоре, и дама из соседнего купе, у которой есть вся техника, и эта соседка с мешочком и с набухшими от слез глазами, и она сама, вся неприбранная, уставшая, – все это показалось ей неправильной случайностью. Зачем она едет в Москву? Чем ей было плохо дома? Ведь было хорошо. Очень хорошо. У нее тоже все было. И даже в смысле техники. А она рванула по шву такую добротню сшитую жизнь. Она вспомнила, как проводили ее на вокзале. Шумно, бестолково, говорили, что она счастливая, что ей повезло, а Аркадий всех уверял, что не хочет в Москву. Его обнимали, утешали, но формально: никто не хотел верить, что ему действительно жалко бросать работу и что в Москве ему может быть хуже. Только Ася знала, что дело не в работе, а в том, что Аркашка не любит никаких перемен. Такой уж характер. Он любит темные рубашки, потому что они дольше носятся. Смешно, но, когда дашь ему все чистое и наглаженное, он все как следует изомнет, а потом только наденет. Пьет всегда из одной чашки, ходит только одной и той же улицей, выписывает уже тринадцать лет одни и те же издания. Человек-привычка. И не

было у нее большего противника переезда, чем он. А ведь как она была красноречива! Он все выслушал и сказал, что она неэкономно тратит эмоции и слова, что она наговорила минимум «на три подвала» о пользе перемен. Но, увы, ни в чем его не убедила. У него тоже есть свои «три подвала» на противоположную тему, но если родина, то есть родная жена, скажет, что надо, он готов ехать куда угодно, хотя убежден, что счастье – понятие оседлое.

– Когда говорят «счастье дорог», – сказал тогда Аркадий, – это надо воспринимать как пропагандистский трюк... Ведь кому приходится много ездить, не должны чувствовать себя обделенными.

– Ты это серьезно? – возмутилась Ася. – Журналисты, геологи, монтажники, моряки, по-твоему, ненормальные?

– Я деликатен, – сказал Аркадий. – Но если совсем честно, то у них не все дома... Ты не обижайся, я тебя все равно люблю... Ненормальные, они чем хороши? С ними не соскучишься.

И он произнес своих «три подвала». Мужчина второй половины двадцатого века: не охотник, не добытчик, не воин – мыслитель, философ, лентяй.

– Я тебя возненавижу, – сказала Ася.

– Нет, – сказал он. – Это пройдет... Ты меня оценишь потом.

– А если не оценю?

– Ну почему ты мне не веришь? – оскорбился он. – Я же

самый умный в нашем роду.

Они расстались на три месяца. За этот срок ей обещали, если все будет о'кей, квартиру. «Дом на выходе», – сказали ей по телефону, знакомые ребята посоветовали поехать посмотреть постройку, покалякать с рабочими, они, мол, знают, как на самом деле, и точно скажут, сколько дней в этих трех месяцах. Скорей всего, не девяносто. Может, сто восемьдесят, и вообще есть ли там фундамент? Договорились до того, что она, дура, обольщена редактором (у того опыт работы со слаборазвитыми странами). И пусть захватит с собой с Урала гвоздей, с ними в столице напряженно, хотя, конечно, глупо везти их так далеко, лучше и надежней наворовать на любой стройке. Тут же стали решать, кто будет на стреме, а кто пить со сторожем и в каких сумках гвозди лучше таскать. Пришли к выводу, что дипломатические чемоданчики, вошедшие теперь в моду, очень для этого пригодятся.

Все испортил Федя. Прослышав об Асином отъезде, он прибежал и стал давать советы.

– Прежде всего, – поучал он, – определи расстановку сил. Кто там *над кем* и кто *под кем*. Реально, а не по штату... Темы выбирай осмотрительно. Они все ушлые, подсунут тебе что-нибудь гиблое – сорвешься. Нужен верняк...

– Федя, я как-нибудь сама, – оборвала его Ася. – Своими слабыми силами...

– Квартиру требуй хорошую. Ссылайся, что, мол, у тебя

тут...

– Никудышная, – засмеялась Ася.

– А кто тебя будет проверять? Дороже, дороже себя продавай!

– Надо, чтоб у меня еще хоть что-нибудь получилось.

– Идиотка! – закричал Федя. – Ты же въезжаешь на белом коне! О чем ты говоришь!

Потом он сообщил, в каких лучше жить гостиницах. В «Центральной» есть одноместные дешевенькие номера (но без санузла!), а в «Юности» очень шумно, несмотря на близость Новодевичьего кладбища, гостиницы ВДНХ – это у черта на рогах и никакого приличного сервиса, и вообще, если б он знал, то, конечно, не впустил бы в свою квартиру аспиранта, пусть бы жила она, все-таки она ему ближе. И снова полез целоваться, ну прямо отец родной... А Ленка принялась составлять список, что ей купить и выслать.

Писала и спрашивала, как пишется «фломастер». «Напиши как-нибудь, – сказала Ася. – Я разберу». – «При чем тут ты? – оскорбилась Ленка. – Я должна знать точно. Так как же?» – «Посмотри в словаре», – крикнула из кухни Ася. «Ты сказала много лишних слов вместо двух – не знаю. Если человек честно признается, что он чего-то не знает, это гораздо лучше, чем прикидываться, что знаешь...» Могла ли я, подумала тогда Ася, в двенадцать лет ответить так матери? Даже теперь, когда мать приезжает, Ася ловит себя на мысли, что теряется в ее присутствии, что вдруг начинает давать

двусмысленные ответы, как-то робеет... Видно, это все приходит вместе с матерью из детства, которое было и достаточно бедным, и достаточно неласковым, и довольно несправедливым в распределении любви между детьми. Мать любила младшего сына, к Асе относилась сурово, считала ее неудачницей уже потому, что к тридцати годам у Аси было не больше платьев, чем в двадцать. «Не в платьях счастье, – сурово вещала мать, – но все-таки. Ты же дама, а не свиристелка какая... У тебя и простыни все те же, что я тебе в замуж дала». Бывало, что, зная о приезде матери, она мчалась в магазин и покупала первое попавшееся, наносила рваную рану в бюджете и сама себя за это презирала. Вообще с деньгами и вещами у Аси отношения были сложные. Она не умела с ними обращаться, а они с ней обращались дурно. Деньги тут же уплывали, вещи мгновенно изнашивались, всегда стояла проблема то пальто, то сапог, то шапки. Это злило. И тогда она шла и покупала то, что продавалось без очереди по причине уродливости и дурного качества. Когда-то в студенчестве она научилась приспособливаться к новой жизни старье и иногда выглядела недурно в перешитых, перекроенных платьях и шляпах. Но сейчас было другое время и переделанная шляпа выглядела переделанной шляпой, а не чем-то оригинальным. И платье местной швейной фабрики даже с роскошным галстуком (совсем из другой оперы) выглядело платьем местной швейной фабрики и галстуком из другой оперы. Никто теперь не говорил: «Аська, какая ты придум-

щица!» А говорили так: «Галстук привезенный? Сразу видно...» Это значило, все видят: платье везли не издалека...

... Соседка по купе смотрела в окно. В ее больших неподвижных глазах плясали огни поездов, незнакомых поселков, и от этих огней глаза ее казались особенно большими и особенно потухшими.

– Я думаю о сыне, – вздохнула она. – Вы знаете, он мне отвечает только тогда, когда ему хочется. На некоторые вопросы я получаю ответ через месяц. Я как-то у него спросила, нравится ли ему дочь моей приятельницы. Он посмотрел на меня и ничего не сказал. А ровно через месяц за обедом говорит: «Ты спрашиваешь меня, нравится ли мне Оля. Так вот. Она дрянь».

– Ну, тут все понятно, – засмеялась Ася.

– Что? Что вам понятно? – заторопилась соседка. – Что Оля ему нравилась, а потом разонравилась, так, да?

– Ну конечно!

– Разве я об этом? Почему он мне сказал об этом через месяц? Ведь, в конце концов, я могла и забыть, что спрашивала.

– Не забыли ведь...

– Могла забыть, – рассердилась соседка. – У меня не только Олей занята голова. У меня таких, как она, сто двадцать человек. Ведь я веду занятия с хором в музыкальной школе.

– Вы музыкантша? – почему-то обрадовалась Ася.

– Я педагог, – сказала соседка. – Музыкантом я не стала.

Не спрашивайте меня почему.

– Я не спрашиваю.

– Давайте ложиться спать. В Москве будем рано. Вас будут встречать?

– Нет, – ответила Ася.

– А меня будет встречать муж. Я вас предупреждаю сразу, он у меня старый... Но это не имеет никакого значения. У каждого свои обстоятельства.

Старый муж оказался человеком лет семидесяти с профессорской внешностью. Он довольно лихо подхватил чемодан и сумку и бочком, молча засеменил к выходу.

– Счастливо вам, – сказала соседка. – Так к нам никого и не посадили. Очень удобно вдвоем с женщиной. Я на ночь совсем раздевалась.

– До свидания, – ответила Ася. Ей хотелось сказать, чтоб соседка взяла у мужа хотя бы сумку, но тут она увидела в окне Олега. Он махал ей рукой и показывал, что все, мол, выходят и ему поэтому никак не зайти в вагон. «А профессор вошел», – подумала Ася, и тут он как раз прошел мимо окна с сумкой и чемоданом, а за ним, сверкая бриллиантами в ушах, прошествовала соседка. «Как все просто, – подумала Ася. – Сколько же это между ними? Двадцать? Тридцать? И сын, который отвечает на вопросы с месячным опозданием?!»

Олег протиснулся в купе.

– Ты лентяйка, – сказал он. – Не могла заранее выйти в тамбур? Было бы гарантированное такси.

Поехали на метро, и хорошо сделали, потому что именно там Ася вдруг почувствовала себя неожиданно счастливой. Вот она в Москве, все у нее славно и будет славно, все получится, это даже хорошо, что первое время она будет одна, не будет отвлекаться заботами о Ленке и Аркашке, будет вкалывать как зверь и докажет, что пригласили ее не зря. Олег такой молодец, что встретил, ему ведь через всю Москву пришлось ехать. Хоть они и дружили когда-то, но она его на вокзале не ждала и не обиделась бы, если б он не пришел.

– Как твои? – спросила она его.

– Нормально.

– Соскучилась по Таське. Когда я ее увижу? Мы соберемся?

– И даже очень скоро...

– То есть?

– У Мариши сегодня новоселье. Она уже договорилась с Царевым, что сегодня ты на работу не выйдешь. Ей некому тереть яблоки, у нее руки будут луковые.

Ася прислонилась к колонне и расхохоталась. Она смеялась долго, и люди, которые их обтекали, все шли и оглядывались, потому что думали – она плачет. Ничего другого и нельзя было подумать, глядя на печальное лицо Олега и на то, как он задумчиво и с пониманием тряс головой, мол, поплачь, поплачь, полегчает. Ася представила, как они выгля-

дят со стороны, и совсем зашлась. Это ж надо! Мариша звонит и говорит главному: «Вовочка! Ты меня любишь? Хотя смешной вопрос, я это и так знаю. Так вот, у меня руки луковые, а ты как раз сегодня ждешь новую сотрудницу. Отдай мне ее на день... У меня яблоки некому тереть. Отдай, отдай, не будь феодалом. В конце концов, она после поезда и ни на какую умственную работу не способна. Спасибо, Вовочка, ты – молодец, и я тобой горжусь... Чмок, чмок... Это я тебя поцеловала...»

– Ну, хватит, – сказал Олег. – Идем, мать... Я так и не понял, чего тебя разобрало?

Ася закивала. Ну где ему это понять? Приехал через всю Москву, она думала – вот молодец, а оказывается, Марише нужен салат из яблок.

– Ты думаешь, я из-за нее пришел тебя встречать, – хмуро сказал Олег. – Мы с Тасей давно решили, что я тебя встречу. Таська убеждала меня привезти тебя сразу к нам, но я думаю, чего таскаться с вещами? Надо устраиваться капитально... Ты ведь насовсем... Не в командировку...

Ах, Мариша, Мариша! Аркадий про нее говорит – существо. «Что ты в это вкладываешь?» – спрашивала Ася. «Ничего, – отвечал Аркадий. – Ничего конкретного. Мне само слово нравится, когда оно на нее надето».

Два года после университета они работали в одной газете. Мариша была кумиром, центром, царицей, в общем, всем. Они вокруг нее крутились, как мотыльки возле лам-

почки. Все, без исключения. Старенький редактор, сердечник и капельку алкоголик, лекарство принимал только из ее рук. Свирепейшая баба, что была у них завхозом, Агния Крячко, приносила ей с рынка мясо, яички, и все знали, что для этого она встает в семь утра, потому что живет за городом. Ответственный секретарь, грубый парень, презирующий всех и удовлетворяющий свое презрение тем, что из каждого повода извлекал тему для издевательств, ставил Маришины опусы в номер без правки и закорючку на «собачке» выводил бережно, не прикасаясь к листу. А Олег... Он тогда только пришел к ним то ли из районной газеты, то ли из армии, солдафон солдафоном, «есть», «слушаюсь», «будет сделано», сапоги сорок четвертого не помещались под только входящим в моду «модерновым» столиком... Кстати, это Мариша ездила с редактором на мебельную фабрику выбирать для редакции столы. Нечто легкое, абсолютно раскрытое для обозрения со всех сторон, с одним-единственным запирающимся ящичком, в котором могла поместиться разве что пудреница. Из старых прожженных, заляпанных, затасканных столов все вывалили прямо на пол. Так и лежали несколько дней непотребные кучи, с которыми не знали, что делать: выбросишь, а вдруг там что ценное? И опять Мариша пришла однажды с пионерами, и они все унесли. «А вдруг тут что-то ценное? – спросил ответственный секретарь. – Надо бы перебрать». Мариша посмотрела на него так, что тот сразу вышел и наорал на Асю за то, что она до сих пор не

может сделать подпись под клише. Уж не нужен ли ей для этого творческий день? Вот тогда Олег и влюбился в Маришу без памяти. Тася ждала ребенка, жила у родителей в деревне и, слава Богу, ничего не знала. А тут Мариша засоби-ралась на Украину. Нынче понимаешь, что никакая это была не драма, просто всем было по двадцать с хвостом, любовь была рабочим состоянием, но это сейчас легко говорить, а тогда... Олег метался по редакции, совсем было решил ехать с Маришей на Украину. Но остался. Мариша уехала одна. Что-то между ними произошло, никто не знал что... Не любила Олега? Но ведь чувства Мариши не обсуждались. Не в этом дело. Олег-то любил и не поехал... Все ведь ждали, что он поедет. Готовы были к проявлению всяческой жалости к Тасе. А он не поехал.

Мариша потом писала, что вышла замуж, прислала несколько посылок с фруктами. Угостили ими нового редактора (старый ушел на пенсию), угощали и наперебой рассказывали, какая была удивительная их Мариша.

– Но ведь она, братцы мои, не такое уж светило, – удивился он. – Я смотрел подшивку, обычная разлюли-малина...

Ответственный секретарь покраснел.

– Она все делала вовремя, – сурово сказал он. – А тут ждешь иногда подтекстовку в сорок строк целый день...

Ася посмотрела на него в упор. «Ну что за личность!»

– Мариша – это душа, – сказала Агния.

А Олег перебрасывал пингпонговый шарик, с левой ладо-

ни на правую, с правой на левую. И молчал, а Ася думала, увидятся ли они с Маришей когда-нибудь опять.

И вот сегодня увидятся. Сколько воды утекло! Олег уже семь лет москвич, журналист союзного значения. Так о нем говорит Агния. Она всех новеньких в редакции вводит в курс дел настоящих, прошедших и если нужно, то и будущих. «У нас есть крепкие перья, – сообщает она новеньким. – Например, Ася. Очень несимпатичная женщина, но я человек справедливый. Олег еще недавно сидел вот за этим столом. Ходил вот в таких сапогах. – Она разводила руками на всю ширину плеч. – И иногда, я извиняюсь, от них шел запах. Он ведь простой деревенский парень».

Сегодня первый день Асиной новой, московской жизни. И она будет тереть яблоки для Мариши.

– Господи! Как же это ей удалось с Украины переехать в Москву?

– А я все думаю, почему ты ведешь себя не по-женски и ничего не спрашиваешь, так сказать, по существу...

– По существу существа, – засмеялась Ася. – Просто я обалдела от самого факта... Ну так как же?

– Просто. Модный фиктивный брак. Союз двух заинтересованных лиц. Это чтоб ты не задавала лишних вопросов. Бестактных.

– Я такая? – удивилась Ася.

– Я оказался такой, – сказал Олег. – Вот и не повторяй моих ошибок.

– Какая она сейчас?

– Необыкновенная, – печально сказал Олег. – Необыкновенная она. Как всегда.

Молоденькая девчушка в номере гостиницы, куда они вошли, подняла с подушки голову в громадных бигудях.

– Я выйду, – сказал Олег. – Ты располагайся. – А глаза приклеились к бигудям. Девчушка засмушалась и попробовала прикрыть их крохотными ладонями. – Ничего, ничего, – сказал Олег. – Просто вы как космический гость. – И вышел.

Ася толкнула чемодан под кровать и остановилась, не зная, что делать дальше.

– В шифоньере плечики, – сказала девчушка. – Вы надолго?

Ася посмотрела на нее и замаялась. Что ей сказать? Приехала насовсем? Или на неделю?.. И вообще откуда она взялась, эта кроха, и почему она в гостинице, если ей надо быть в школе?

– А я на семинаре, – сказала девушка. – Я старшая пионервожатая. Меня зовут Зоя. В честь Зои Космодемьянской.

– Ну какая же ты Зоя? – усмехнулась Ася. – Сколько тебе лет?

– Столько же! – возмутилась девушка.

– А я думала, четырнадцать. Ты извини. Но сейчас все такие большие, рослые, а ты маленькая.

– Я? – удивилась кроха, рывком вставая на кровати, и Ася увидела, что не так уж она мала и ноги у нее торчат из-под короткой ночной рубашки полные, женские, с круглыми шершавыми коленями. Она шагнула прямо с постели на пол, и Ася подивилась – как можно было так ошибиться? Только лицо у девушки было детское, маленькое, а может, таким оно казалось от бигудей? – Пусть он заходит, – сказала Зоя. – Я пойду умываться. Чего там? Надо понимать. Ко мне тоже будут приходиться знакомые. – И она скрылась в ванной.

Ася взяла сумочку и вышла в коридор. Олег стоял у окна.

– Пошли попьем кофе, – сказал он. – Ты заметила, какое смешное лицо у девчоночки? Совсем детский сад.

– Я тоже так думала. Решила – ребенок. А у нее бабьи ноги. Она пионервожатая и дала мне понять, что к ней будут гости ходить. Вот так-то, старичок. Ни черта мы в них, в нынешних, не понимаем. Терра инкогнито.

– Хочешь получить первый совет? Не драматизируй и не усложняй. Больше присматривайся.

– Я разберусь, – перебила его Ася. – До таких советов я сама могла додуматься.

– Я тебе сокращаю путь познания.

– Не надо, – сказала Ася, – не надо. Ты мне лучше скажи, как дети?

– Смотри, – сказал Олег, – твоя соседка. Зоя шла, покачивая бедрами. Было видно, что походку она себе придумала специально к брючному костюму.

Рядом с ней шла другая девушка. Олег тихонько при- свистнул. Ася поняла: посмотри, мол, и сравни. Зоя вопло- щала собой провинциальный модерн – кримпленовые брю- ки, на плече галантерейный набор из листочков и ягод, воло- сы – аккуратными трубочками, грубо раскрашенные глаза. Другая была полной противоположностью. Румяная, здоро- вая, с вызывающе деревенской косой, с такими просто гла- зами, с таким большим телом, которое исхитрилось остать- ся независимым от надетых на него тряпок.

Ася кивнула – поняла! И когда те ушли, Олег спросил: – Какова? Надо бы сходить на этот семинар! Посмотреть, что они там делают, эти полпреды пионерского детства. Со- мнения у меня относительно их надежности огромные... Слишком уж они высокие, здоровые, сильные. А я тоскую «по туберкулезному типу». Такой я паразит.

– Ты скажи это Тасе, – посоветовала Ася. – Она тебе мозги вправит.

– Вправляла, – сказал Олег. – Знаешь, что она утверждает? Что они с виду здоровые, а внутри такие хворые, такие хворые. – Олег глазами и губами показал, как это могла ска- зать Тася. Вышло смешно. – Смеешься? – удивился Олег. – У тебя разве не возникает страха, что мы выкармливаем по- роду, не представляя себе четко ее назначения?

– Дай им вырасти. Они сами найдут свое назначение.

– Сами? – взметнулся Олег. – Сами? Чего ты ждешь на непосеянном поле?

– А ты вроде пенсионера. «Вот мы, в наше время...»

– Слушай, мать, – сказал Олег. – Я согласен быть ретроградом, мракобесом. Кем хочешь... Я выдвинул идею, но очень жажду, чтоб ее опровергли. Ведь я лицо заинтересованное, у меня у самого двое хлопцев.

– Боже мой! – Мариша притиснула Асю к своему розовому стеганому халатику. – Еще выросла? Или это я уже оседаю?

Ася разревелась. Вот уж этого она от себя никак не ожидала. Слезы полились, полились, и на душе стало печально и сладко, и хотелось плакать долго, долго, промокая щеки на розовой душистой Маришиной груди.

– Все! Все! – сказала Мариша. – Ты дурочка. Я совсем забыла, что ты у нас ревушка-коровушка.

– Да нет, – сказала Ася. – Уже давно нет... Это я так... Случайно... От недосыпа...

– Ты у меня отдохнешь. Я с Вовочкой договорилась, ты можешь сегодня на работу не ходить.

Ася покачала головой.

– Вот это ты зря. Я обязательно пойду. Если нужно, давай я сейчас что-нибудь сделаю, а потом обязательно – в редакцию.

– Но я же тебе объясняю. – Мариша взяла Асины руки в свои и стала их раскачивать. – Объясняю тебе, дурочка. Хочешь, я позвоню ему еще раз?

– Да нет же! – рассердилась Ася. – Я должна идти, должна.

– Ну хорошо, – сказала Мариша. – Должна, так должна.

Я хотела как лучше.

– А сейчас я тебе помогу.

– Глупости, – ответила Мариша, – не в этом дело. У меня сейчас Полина. Я просто по тебе соскучилась. Я ведь знаю – завертись в колесе, тогда и не вытащишь. А сегодняшний твой день был вроде ничей, вот я и решила его захватить.

– Ты не сердись, – мягко сказала Ася. – Но мне не хотелось бы начинать с того, что мы с Вовочкой из одного инкубатора и нам ничего не стоит вот так взять и договориться...

– Все не так! – воскликнула Мариша. – Все не так и наоборот. Ты должна помнить, что всегда можешь рассчитывать на старую дружбу.

– Не знаю. – Ася упрямо покачала головой. – Отношения должны складываться заново. Тогда мы пели в одном хоре, а сейчас, говорят, у него уже есть опыт работы со слаборазвитыми странами. Кое-где повращался!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.